

© 2017 г.

Н.Н. ЕФРЕМОВА

ЛИЧНЫЙ И ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕСЫ В ПРАВОСУДИИ: НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, профессор НИУ “Высшая школа экономики” (Москва, Россия) (E-mail: igpran@igpran.ru).

Efremova Nadezhda N. – PhD in Law, leading researcher, Department of history of state, law and political doctrines of the Institute of state and law of RAS, professor of the National research University “Higher school of Economics” (Moscow, Russia) (E-mail: igpran@igpran.ru).

Аннотация: в истории организации правосудия происходят объективно и субъективно детерминированные изменения в соотношении личных и публичных интересов, обеспечиваемых судебной защитой. Характер интереса выступает фактором сущностных, организационных и процессуальных основ судебной деятельности. Состояние правосудия определяется также социокультурными и политико-идеологическими условиями его бытия как одной из форм проявления права в жизни людей. Статья посвящена примеру решения данной проблемы в период просвещенной монархии в России.

Abstract: in the history of the organization and administration of justice occur objectively and subjectively deterministic changes in the ratio of personal and public interests, provided judicial protection. The nature of the interest is a factor essential, organizational and procedural foundations of judicial activity. Justice condition as determined by the socio-cultural, political and ideological conditions of its existence as a form of manifestation of the right to life of people. The article is devoted to examples of solutions to this problem in the period of enlightened monarchy in Russia.

Ключевые слова: Россия, эпоха Просвещения, судоустройство, правосудие, судебные реформы.

Key words: Russia, the Enlightenment, judiciary, justice, judicial reforms.

Проблема соотношения личности, общества и государства остается важной и актуальной для юриспруденции в целом. Большое внимание уделяют ей в науке теории государства и права¹, значительно меньшее – в истории. Однако пропорциональность интересов этих частного и, соответственно, публичных субъектов правового общения в политически организованном сообществе индивидов в различные исторические эпохи и в различных цивилизациях неодинакова.

Характер интересов также разнообразен. Следовательно, разрешить эту проблему в рамках одной статьи нельзя, да автор и не ставит такой задачи. Его цель – проиллюстрировать один из вариантов ее решения в судоустройстве России эпохи Просвещения.

Прямого противопоставления интересов личности, общества и государства в отыскании юридической истины (прямая цель правосудия) допустить

нельзя. Однако применительно к рассматриваемому периоду нельзя отнести и такую характеристику, как «паритет прав, свобод и обязанностей отдельного гражданина с правами, свободами и обязанностями “коллективного гражданина”»². Социально-экономические, политические и идеологические условия для этого еще не созрели.

Выбор правосудного аспекта этой проблемы не случаен. Проблема соотношения личности и государства как субъектов судебного процесса уже давно интересовала исследователей. В частности, проф. П.И. Люблинский, отмечая вечность данной темы, ее перманентность, указывал, что признание за личностью особых прав утверждалось лишь с того момента, когда образовался орган для их охраны – независимый суд. Только тогда права (и законные интересы) личности получили надлежащий способ охраны. Судебная защита выступила их подлинным гарантом и средством охраны.

¹ См., например: Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместности / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. М., 2005.

² Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 53.

Он отмечал: “Суд — это барьер, созданный в интересах личной свободы и безопасности”³.

Вместе с тем выполнить это высокое предназначение может лишь суд, надлежащим образом организованный: и институционально (структурно), и функционально, что само по себе нуждается в соответствующих материальных (экономических), социальных, политических, юридических и идеологических детерминантах. Подлинное правосудие возможно лишь при абсолютном совпадении интересов личности и суда (как государственного органа) в отыскании юридической истины. При этом одной из гарантий личности от произвола государства (в данном случае — судебного органа) будет участие представителей общественности в составе этого органа. Качество правосудия — показатель уровня правовой зрелости политически организованного сообщества свободных индивидов. Как отмечал один из первых исследователей истории отечественного суда Т.С. Мальгин, “ясное и точное сведение о существовании, образе и качестве судебных мест в государственном правлении есть немаловажная историческая статья, служащая верным знаком... степени благоустройства и благосостояния каждого благоустроенного государства”⁴.

Интересно в этой связи мнение французского исследователя Н. Рулана о том, что государство в своем историческом развитии приобретало различные формы, и первой формой, как полагает Н. Рулан, была форма правосудия. “Государство правосудия” (согласно логике монархической организации публичной власти) выполняло в целях обеспечения её центризма определённые функции, и в первую очередь — поддержание мира и правосудие, а также обеспечение определённого социального равенства⁵. Являясь одной из первых функций ранних государств, отправление правосудия и впоследствии оставалось неперменной функцией.

Судебная власть как один из видов государственной власти осуществляется деятельностью специально уполномоченных на то судебных органов, судей и заседателей, отправляющих правосудие и выполняющих функции, связанные с защитой и обеспечением интересов всех субъектов права, участвующих в процессе и являющихся

отдельными индивидами, представителями общества и государства.

Необходимо учитывать, что общество — это прежде всего совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, а конкретнее — исторический тип социальной системы, определенная система социальных отношений. Общество — сложная, эволюционирующая, структурированная система, сущность которой проявляется в разнообразных отношениях, возникающих между индивидами и их объединениями, удовлетворяющими свои потребности за счет поддержания целостного и закономерно прогрессивного саморазвития (Применительно к нашей теме следует заметить, что в рассматриваемый период общество было разделено на сословия, или корпорации с различным правовым статусом, а, соответственно, государство, право и производные последнего — на сословные по типу, исходя из положений либертарно-юридической концепции акад. В.С. Нерсисянца).

Государственность — лишь политический аспект этого социального объединения, а индивид — субстанциональный элемент последнего. При этом государство в смысле правовой формы политической организации социально объединенных индивидов выступает единственным официальным представителем всего общества, призванным выявлять общие потребности и согласовывать значимые интересы социальных групп, обеспечивая координацию всей общественной жизни и охрану законных интересов, прав и свобод индивидов и их объединений. Являясь институционально универсальной организацией публичной власти, государство приобретает от общества относительную самостоятельность (в эпоху абсолютизма она максимальна). Этой самостоятельности способствует наличие противоречий между социальными группами, требующих разрешений. В эпоху просвещенного абсолютизма монарх, олицетворяющий государство, в официальной идеологии выступал как «общее благо», отсюда и те показательные либерально-демократические новеллы в политической и правовой системах.

Вместе с тем единоличное правление монарха “по собственному праву” не дает гарантий законности и справедливости, в том числе в отправлении правосудия. Как точно отметил Л. Фуллер, «о несправедливости “беззаконной неограниченной власти”, выражающей себя исключительно в непредсказуемых и бессистемных вмешательствах в людские дела, можно говорить лишь в том смысле, что она действует по известным правилам... Достоинство добросовестно построенного

³ Люблинский П.И. Суд и права личности // Суд и права личности. Сб. ст. / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. М., 2005. С. 33.

⁴ Мальгин Т.С. Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства, и о качестве лиц и дел оных. СПб., 1803. С. 1.

⁵ См.: Рулан Н. Историческое введение в право. Учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 290.

и применяемого правового порядка в том и заключается, что он представляет испытующему взгляду общества те правила, которыми он руководствуется в своих действиях»⁶.

Судебная политика Екатерины Великой демонстрировала её готовность огласить правила организации правосудия, что было ею сделано и в “Наказе” — декларации прогрессивных начал «законной монархии», и в “Учреждениях для управления губерниями”, и в “Уставе благочиния” — законодательных основах Судебно-административной реформы 1775–1780 гг. Она была ответом общественным ожиданиям, которые впоследствии изложил А.В. Никитенко: “Люди просвещенные не хотят быть управляемы ни произволом, ни случаем: они требуют законов и правосудия”⁷.

При этом не следует преувеличивать достоинств суда этой эпохи. Можно в целом согласиться с мнением Р.С. Уортмана, также применимым и к рассматриваемому периоду, о том, что “главная цель старого суда заключалась в защите власти, интересов и престижа правительственной администрации, а не прав населения”⁸.

Преобразования в области судостроительства были составной частью тех общих изменений в государственно-правовой системе России второй половины XVIII в., которые знаменовали собой особый период в её истории — «просвещенный абсолютизм». Эта модернизация политико-юридических институтов проводилась с учетом новых идеологических начал, характерных для европейского и российского Просвещения. Их влияние отражало иную парадигму государственности, определяемой как “союз философов и государей”.

В русском просветительстве отразились передовые идеалы эпохи: естественного права, отличного от “положительных законов”, общего блага как цели деятельности хорошего монарха, реформаторства, охраны прав личности, свободного суда и т.д. Это философское направление не было единым: оно включало как политические идеи, так и проекты социально-экономических и государственно-правовых преобразований, отчасти реализованные российским правительством.

Официальная просветительская доктрина таким образом определяла отношения монарха и правосудия: “Наше главное попечение будет изыскивать все средства к утверждению правосудия в народе, которое есть первое от Бога Нам переданное

святым его Писанием повеление...”⁹. Соглашаясь с мнением историка права О.А. Омельченко, следует подчеркнуть: “Именно в правительственных мерах по реформе суда и судебного права ранее иных сфер государственной жизни можно предположить проявление черт *просвещенного абсолютизма*”¹⁰.

Правительство Екатерины II осознавало кризисное состояние судебной системы. Проведенные ею в последней четверти XVIII в. реформы создали новую систему местного управления и суда, оказавшуюся долговременной. Одним из факторов, ускоривших проведение административно — судебной реформы, стала Крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, которая показала неспособность существующего местного правительственного аппарата обеспечить общественный и законный порядок.

Непосредственным ответом правительства Екатерины II на масштабные социальные протесты (или “бунт” стало усиление государственного аппарата, в частности на местах, путем издания и введения в действие “Учреждений для управления губерниями” (далее — “Учреждения”) — фундаментального акта, специально посвященного организации основных институтов местного управления. В “Учреждениях” подробно регламентировались организация системы местных органов администрации и суда, их компетенция и функции. В период подготовки “Учреждений” в правительственных и общественных кругах наметились две главные идеи об устройстве управления и суда в России. Императрица и часть её приближенных высказывались за организацию государственного аппарата на основе принципа разделения властей. Большинство же дворян выступали за создание сословных органов суда и управления¹¹. Отказ от идеи разделения властей не обеспечивал независимости суда. При этом следует учитывать, что под властью в это время скорее понимали совокупность полномочий органа или должностного лица, а не обособленную ветвь государственной власти; в официальных актах использовались, например, такие устоявшиеся словосочетания, как “суд власть имеет...” или “власть суда состоит...”.

Завершившийся процесс легального оформления сословий требовал создания особых правовых режимов для них, признания законности корпоративных

⁶ Фуллер Л. Мораль права. М., 2007. С. 189.

⁷ Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. С. 236.

⁸ Уортман Р.С. Властители и судии. М., 2004. С. 406.

⁹ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. Т. XVI. СПб., 1830. № 11616. Именной указ 18 июля 1762 г. (далее — ПСЗ-1...).

¹⁰ Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. М., 2004. С. 180.

¹¹ См. подробнее: там же.

интересов. Дворянство было недовольно отведенной ему в управлении ролью, считая ее недостаточной, и выступало с требованиями расширить свое участие в местном самоуправлении, прежде всего в делах местного хозяйства, ходатайствовало также о создании выборных дворянских судов. Сословие горожан, в свою очередь, искало юридической защиты от притеснения дворян. Правительство, видевшее в дворянстве свою основную социальную опору, было заинтересовано также в развитии торговли и промышленности, а потому не могло не оказывать покровительства и этой группе населения, нуждавшейся в определенной самостоятельности и требующей создания особых судов для горожан. Напуганное широкомасштабными крестьянскими восстаниями, самодержавие не могло сохранить без изменения и статус черносошного казенного крестьянства, также заинтересованного в специальном управлении и суде.

Сословные интересы и соответствующие требования нашли выражение в петициях, наказах и других материалах, поступивших в законодательную комиссию в 1767 г., созванную Екатериной II, признававшей необходимость реформ суда и управления. Согласно Манифесту от 14 декабря 1766 г. созыв комиссии с участием выборных представителей от дворян, купцов и государственных крестьян должен был как бы возродить существовавшую ранее в России традицию земских и церковно-земских соборов для участия в кодификационных работах¹². Комиссия состояла из представителей правительственных органов и из депутатов от различных слоев населения: по одному представителю от Сената, Синода, коллегий, главных канцелярий; по одному депутату от домовладельцев каждого города; от каждого уезда — по одному землевладельцу; по одному крестьянину-однодворцу от провинции; по одному депутату от пахотных солдат каждой провинции; по одному депутату от черносошных крестьян и от каждого “народа” из оседлых “инородцев” каждой провинции (итого от каждой провинции — по четыре депутата). Число депутатов от казаков определяло их высшее командование. Были представлены все свободные сословия, поскольку в городских выборах принимало участие и духовенство¹³.

Для Комиссии Екатериной II был составлен “Наказ”¹⁴, в первоначальной редакции которого

нашли отражение идеи европейской просветительской философии XVIII в. об идеальной организации правосудия, которые, однако, не были реализованы. Комиссия не выполнила возложенной на нее основной задачи, но дала обширный материал для выявления интересов и настроений сословий по поводу модернизации управления и суда¹⁵.

В период работы Комиссии выдающимся русским просветителем С.Е. Десницким — профессором юридического факультета Московского университета было подготовлено “Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи”, содержащее план государственных преобразований, косвенно направленных на ограничение самодержавия¹⁶.

С.Е. Десницкий получил степень доктора права в университете Глазго, где помимо римского права изучал произведения западноевропейских мыслителей, политиков, философов — идеологов просвещения. Однако он разделял далеко не все пропагандируемые ими взгляды. Так, например, он не придерживался договорной теории происхождения государства. А вот теорию разделения властей он принял в применении к “лучшей”, по его мнению, форме организации власти — конституционной монархии. В связи с этим и был подготовлен названный выше труд. С.Е. Десницкий считал необходимым, в частности, провести полное отделение судопроизводства от административного делопроизводства, ввести равный для всех сословий суд, гласность процесса, право обвиняемого на защиту и т.д.

Проектируя организацию “судительной власти”, С.Е. Десницкий опирался на английские и шотландские образцы. Предложенный им суд присяжных был аналогичен суду, существовавшему в Шотландии, а прообразом Совестного суда (единственное положение “Представления”, по-видимому, нашедшее отражение в “Учреждениях для управления губерниями”¹⁷) являлся английский суд справедливости, или канцелярский суд. По поводу суда присяжных С.Е. Десницкий писал: “Для явственной справедливости суда неизменно б было, если б монархи российские соблагволили узаконить по примеру английскому выбирать из 40 человек посторонних 15 свидетелей

¹² Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 31, 32.

¹³ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 8-ми т. Т. V. М., 1958. С. 85, 86.

¹⁴ О политико-правовых идеях “Наказа” см. подробнее: *Грацианский П.С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 52–57.

¹⁵ См. об этом подробнее: *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Т. I. СПб., 1887.

¹⁶ См. подробнее: *Десницкий С.Е.* Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи. СПб., 1905; *История политических и правовых учений XIII–XVII вв.* М.; Л., 1989. С. 321–327.

¹⁷ См.: ПСЗ-I. Т. I.

на вспоможение и оправдание судьями при исследовании дел криминальных и тяжбных...”¹⁸.

Говоря об основах правосудия, С.Е. Десницкий ссылался на соответствующие положения английского права и указывал, что необходимо “судить по истине и справедливости”. Таким схожим, но “особенным” по форме судом явился *Совестный суд*. Он был учрежден по высочайшему повелению императрицы Екатерины II. Особенными были его организация, компетенция, процессуальные нормы, которыми он руководствовался при производстве дел, установленные также уже вышеупомянутыми “Учреждениями для управления губерниями”, т.е. законом, состоявшим из двух актов или из двух частей, изданных в указанные годы, но включенных в Полное собрание законов Российской Империи 1830 г. под одним номером¹⁹. Первая часть была издана 18 ноября 1775 г., вторая — 4 января 1780 г.²⁰ Судебные положения содержатся в обеих частях. Следует иметь в виду также, что общеимперская судебная система включала в рассматриваемый период три вида судов: общей, “особенной” и специальной юрисдикций.

Суд по-прежнему оставался одним из институтов государственного управления, но на местном уровне в ходе данной реформы создавались (отдельно от административных) судебные органы. Организация судебной системы по “Учреждениям”, как отмечалось в дореволюционной литературе, “представляет собою компромисс между стремлением отделить суд от администрации, создать отдельный суд для каждого сословия и сделать из начальника губернии око и ухо государя, надзор и власть которого одинаково распространяются на все стороны местной жизни”²¹.

Формально новая областная судебная система была создана как самостоятельная, отдельная, существующая параллельно системе местной правительственной администрации в губернии и, соответственно, в уезде. По общему правилу в губернии были установлены *две судебные инстанции*: низшая — в уезде, высшая — в губернском городе, что должно было приблизить суд к населению. Членами судов являлись выборные представители местных “обществ”. Большинство судов были сословными. Однако появились и общие для всех сословий судебные органы — Палаты гражданского

и уголовного суда в губернии. Суды в целом оставались коллегиальными учреждениями.

Учреждения о губерниях устанавливали следующие *местные судебные органы*: 1) губернские — Палата уголовного суда, Палата гражданского суда, Верхний земский суд, Верховная расправа, Совестный суд, Губернский магистрат, Сиротский суд, городские старосты и судьи словесного суда губернского города (все имели местом своего нахождения губернский город); 2) уездные — Уездный суд, Нижняя расправа, Нижний земский суд, городские старосты и судьи словесного суда уездного города, Городовой магистрат, или Ратуша, Городовой сиротский суд²². Их местонахождение было в уездном городе.

Кроме того, в С.-Петербурге и Москве учреждались Верхний и Нижний надворные суды.

В соответствии с сословным принципом организации суда были созданы Уездный и Верхний земские суды для дворян. Уездный суд являлся низшим звеном судебной системы и *судом низшей (первой) инстанции*.

Апелляционной и ревизионной инстанцией по отношению к Уездному суду был Верхний земский суд. В губернии (в зависимости от ее размеров) могло быть несколько таких судов. Верхнему земскому суду были подчинены уездные суды, дворянские опеки, нижние земские суды его округа. В него поступали по апелляции на решения перечисленных органов все дела, жалобы и тяжбы дворян и на дворян, гражданские и уголовные, а также дела, касавшиеся вотчин, привилегий, завещаний, права наследования и исковые. В компетенцию суда входили также дела разночинцев, которые по правилам апелляции могли быть направлены из Уездных и Нижних в Верхний земский суд.

По всем указанным делам Верхний земский суд мог окончательно решать тяжбы при цене иска до 100 руб., в остальных случаях дела, решением которых были недовольны стороны, могли переноситься в *вышестоящую судебную инстанцию* — Гражданскую палату.

Все уголовные дела подлежали обязательной *ревизии* Уголовной палаты.

Для горожан учреждались также две судебные инстанции: Городовой магистрат и Губернский магистрат. Городовой магистрат, или ратуша, являлся *низшей (первой) судебной инстанцией* для городских жителей или жителей посада.

¹⁸ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII в. М., 1959. С. 109.

¹⁹ См.: ПСЗ-И. Т. XX. № 14392.

²⁰ Об этом говорится в примечании к Закону (см.: там же. Т. XX. № 14392. Примеч.).

²¹ Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. Ч. I. СПб., 1915. С. 199.

²² См.: ПСЗ-И. Т. XX. № 14392. Ст. 412.

Апелляционной и ревизионной инстанциями для городских судов был Губернский магистрат, учрежденный в каждой губернии, причем в зависимости от размеров губернии могло быть открыто более одного такого суда. Губернскому магистрату подчинялись городские магистраты, сиротские суды и ратуши той губернии, в которой он был создан. Ему были подведомственны дела, касавшиеся привилегий, спорных владений или “целого города”, или возбужденные стряпчими, а также апелляционные дела, поступающие из городских магистратов, сиротских судов и ратуш.

Уголовные дела, рассмотренные Губернским магистратом, подлежали ревизии Уголовной палаты. Гражданские дела могли быть решены им окончательно при цене иска до 100 руб., в остальных случаях недовольные его решением могли апеллировать в Палату гражданского суда.

Для суда над **свободными крестьянами** в уездах и губерниях были учреждены две судебные инстанции: Нижняя расправа и Верхняя расправа. Верхняя расправа учреждалась в качестве апелляционной и ревизионной инстанции для Нижней расправы.

В 1787 г. была дополнена и система сельской юстиции. Апелляционные жалобы на решения низших сельских судов подавались в Нижнюю расправу. Низшим сельским судам были подсудны лишь незначительные споры между крестьянами: “поношения”, споры, драки²³.

Таким образом в каждой губернии были созданы по две судебные инстанции (уездная и губернская) для каждого из трех сословий и одному общесословному судебному-административно-полицейскому органу – Нижнему земскому суду. Следовательно, процесс законодательного оформления и закрепления сословного строя сопровождался созданием сословной юстиции, что способствовало организации защиты законных интересов отдельных сословий и обеспечивало внутрисословное юридическое равенство.

Третьей инстанцией для каждой категории сословных судов был губернский *общесословный судебный орган* – Палата уголовного и Палата гражданского суда (ввиду отсутствия деления судебного процесса на уголовный и гражданский разграничение подсудности обеспечивалось созданием отдельных названных судов). Палаты занимали особое положение в судебной системе, являясь его центральным звеном. Это можно объяснить прежде всего тем, что они фактически заменили собой

прежние центральные административные и судебные органы – коллегии (в частности, Юстиц-коллегию, помимо прочих выполнявшую функцию судебного управления), став, однако, во главе местной судебной организации в силу проведенной децентрализации государственного управления. Вышестоящим по отношению к ним звеном (инстанцией) стал высший судебный орган империи – Сенат.

Помимо сословных и всесословных судебных органов общей юрисдикции судебная система империи, как было отмечено выше, была дополнена *судами «особенными»*. К ним в первую очередь относился вышеупомянутый *Совестный суд*. Совестный суд представляет для исследователей особый интерес постольку, поскольку, во-первых, в процессуальном отношении был аналогичен английскому канцлерскому суду, а во-вторых, потому, что принципы его деятельности в определенной мере отражали соотношение ценностей права и нравственности, формального закона и естественной справедливости. Здесь уместно отметить, что Судебную реформу Екатерины II, как и модернизацию суда при Петре I, отличали общие подходы: реорганизация проводилась, с одной стороны, с учетом отечественного опыта, предполагавшего некоторую преемственность лучших традиционных элементов юстиции, а с другой – при заимствовании прогрессивных зарубежных образцов Англии, Швеции, Германии. В данном случае можно предположить, что на формирование Совестного суда мог повлиять проект организации “судительной власти” С.Е. Десницкого, составленный им под влиянием знакомства с судебной системой Англии и Шотландии²⁴.

Совестный суд сочетал в себе функции суда по малозначительным делам, третейского суда и отчасти прокуратуры. В своих решениях суд мог руководствоваться не только законами, но и “естественной справедливостью”. Статья 397 “Учреждения о губерниях” возлагала на Совестный суд задачу “быть преградой частной, или личной безопасности”, а поэтому принципами его деятельности должны были стать: “1) человеколюбие вообще; 2) почтение к особе ближнего, яко к человеку; 3) отвращение от угнетения или притеснения человечества...”. Для выполнения установленного правила: “Совестный суд никогда судьбы ничьей да не отяготит”, ему было поручено “осторожное и милосердное окончание дел”. В соответствии со

²³ См.: там же.

²⁴ См. подробнее: *Ефремова Н.Н.* Изменения в судебной системе России во второй половине XVIII в. (Аспекты английского влияния) // Историко-правовые исследования России и Англии. М., 1990. С. 23–34.

ст. 400 “Учреждений” решения совестного суда должны основываться на следующих началах: “1) доставить обеим сторонам законную, честную и беззащитную жизнь; 2) злобы, распри и ссоры прекратить; 3) доставить каждому ему принадлежащее; 4) облегчить судебные места примирением спорящихся лиц...”. В определенной мере Совестный суд выступал и гарантией законности задержаний, что отдаленно напоминало процессуальные средства обеспечения, установленные английским законом – Habeas Corpus Act 1679 г.

Совестный суд, вместе с тем, оказался недостаточно эффективным. Дела в нем, так же как и в других судах, иногда не решались десятилетиями, о чем свидетельствовали данные, помещенные в журнале Министерства юстиции²⁵. Тем не менее, данный вид губернских судов просуществовал около столетия – до Судебной реформы 1864–1899 гг., что объяснялось теми гуманными демократическими началами в его организации и процессе, которые были провозглашены при учреждении, хотя и не были полностью реализованы на практике. Екатериной II планировалось и создание общеимперской апелляционной инстанции для этого “особенного” суда, однако, по-видимому, необходимость в этом отпала, поскольку стороны, недовольные его решением, могли обратиться в суд общей юрисдикции.

Совестные суды предполагалось создать во всех губерниях, поэтому их можно считать общеимперскими. Но были и другие “особенные” суды, территориальная подсудность которых являлась исключительной и распространялась лишь на дела обеих столиц. Это – *Верхний и Нижний* надворные суды, упомянутые выше. Надворные суды разбирали дела лиц, пребывавших в Москве и С.-Петербурге по службам военной, придворной или гражданской, а также по собственным делам, касавшимся их промыслов или иных занятий, за исключением должностных преступлений. Уголовные дела подлежали обязательной ревизии Уголовной палаты. Недовольные решением гражданских дел могли жаловаться в Гражданскую палату или Верхний надворный суд²⁶.

Состав нижних и верхних (уездных и губернских) сословных судов общей юрисдикции был сформирован на основе принципа сочетания коронного и общественного элементов правосудия. Органы сословного самоуправления для дворян (дворянские собрания), горожан (общие

городовые думы), созданные в ходе реформы, и для крестьян-однодворцев (традиционные сходы) выбирали своих представителей (заседателей) в соответствующий сословный суд с определенным сроком полномочий²⁷. Это несомненно в большей мере обеспечивало защиту интересов индивидов, принадлежавших к сословным корпорациям с помощью таких представителей в судебном органе, что было особенно важно в возможном процессуальном противостоянии государству, интересы которого выражал коллегиальный коронный суд. В силу значительной зависимости суда от администрации (на местном уровне представленной губернатором), фактически не преодоленной даже в условиях их институционального и функционального разграничения, судьи не встали еще в идеальную обособленную от государства позицию, как об этом говорил, например, проф. П.И. Люблинский: “Суд есть явление, связанное только с правом. Он стоит вне государства, а порою и над ним”²⁸. Вместе с тем включение ответственности в указанном формате в правосудие уже формально способствовало согласованию интересов личности, общества и государства.

Нельзя сбрасывать со счетов, что суд, являясь органом, призванным охранять от нарушения и защищать права и свободы личности, разрешать юридически значимые социальные конфликты, в то же время выступает средством применения государственного принуждения во все исторические эпохи. Здесь уместно привести мнение Ф. Хайека: “Одна из аксиом традиций свободы состоит в том, что принуждение допустимо только ради благополучия общества или общественных интересов...”. Однако размытость понятий «общественный, или публичный, характер законных целей правительственной власти» не исключает ее применения “в частных интересах”, поскольку можно “почти все, что угодно, объявить предметом общего интереса и заставить очень многих служить целям, в которых они никак не заинтересованы”. Понятие “благо государства”, продолжает фон Хайек, “можно наполнить любым содержанием, лишь бы оно отвечало интересам правящей группы”²⁹. Это суждение в значительной мере отражает и фактически сложившееся соотношение личного, общественного и государственного интересов

²⁵ См.: Журнал Министерства юстиции. Т. XVI. СПб., 1863. С. 119.

²⁶ См.: ПСЗ-И. Т. XX № 14392. С. 433–459, 472–489.

²⁷ См. подробнее: *Ефремова Н.Н.* Судостроительство в России в XVIII – первой половине XIX вв. (Историко-правовое исследование). М., 1993.

²⁸ *Люблинский П.И.* Суд и права личности // Суд и права личности. Сб. ст. / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. С. 32.

²⁹ *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 169, 170.

в российской организации правосудия эпохи просвещенного абсолютизма.

Субъективным фактором, принижающим значение рассматриваемых судебных преобразований, явилось и то, что за модернизацией судоустройства не последовала реформа судопроизводства в судах общей, “особенной” и специальной (суды военные и духовные) юрисдикции. Тогда, как справедливо отмечают авторы трехтомника “Теория правосудия”, “суд и закон могут быть сильны только правдой, которую необходимо обеспечить процессуальными и организационными средствами”³⁰. Именно такой подход был использован в значительной мере позже при проведении Великой судебной реформы Александра II.

Вместе с тем и судебная реформа Екатерины II была заметным этапом на пути прогрессивного развития отечественного правосудия, поскольку в соответствии с “Учреждениями” более последовательно, чем по законодательству Петра I, проводился принцип отделения судебной власти от административной на уровне местного управления. Как было выше отмечено, это обеспечивалось созданием параллельно функционировавших систем местных административных и судебных органов. При этом участие общественного элемента в суде способствовало защите личности от произвола, хотя и в сословно ограниченных рамках.

В целом реформы, проведенные на основе “Учреждений” 1775–1780 гг., укрепили государственный аппарат эпохи “просвещенного абсолютизма” и предоставили ему возможность для более успешного выполнения управленческих функций. Созданные тогда судебные органы в большей мере удовлетворяли и обеспечивали реализацию правоохранительных и правозащитных функций, прежде всего в интересах двух привилегированных сословий — дворян и горожан, нежели квазисуды губернаторов и воевод середины XVIII в. Это

³⁰ Фурсов Д.А., Харламов И.В. Теория правосудия. В кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. I. М., 2009. С. 8.

и обусловило долгий период их существования — до Судебной реформы 1864–1899 гг.

Как справедливо отмечал О.А. Омельченко, “преобразования в области судоустройства” были составной частью тех общих перемен в государственно-правовой системе России XVIII в., которые знаменовали в ее политико-институциональной истории период “просвещенного абсолютизма”. Публично-правовая доктрина, определявшая монаршую власть, утверждала: “Наше главное попечение будет изыскивать все средства к утверждению правосудия в народе, которое есть первое от Бога Нам преданное святым его Писанием повеление...”³¹.

К тому же в судебных реформах как Петра I, так и его в известной мере последовательницы Екатерины II, сделавшей вторую, более удачную попытку отделения суда от администрации, проявились в большей мере, чем в иных государственно-правовых преобразованиях того времени, черты “просвещенного абсолютизма” как наиболее прогрессивной модели средневековых монархий³².

Подводя итог, следует отметить, что новая, созданная в рассматриваемый период судебная организация, как в большей мере соответствовавшая интересам двух основных сословий, почитаемых абсолютным монархом в качестве опоры власти, соответствовала и интересам самого законодателя. Учет интересов в создании обособленного от иносословных, хотя бы на уровне местной юстиции, суда для группы свободного от крепостной зависимости крестьянства, в свою очередь, обеспечивал в целом сословный характер местного суда, построенного по принципу внутрикорпоративного формального равенства. Последнее выступало одной из ценностей судоустройства, реформирование которого проходило с учетом прогрессивных идей Просвещения и в целях модернизации.

³¹ Омельченко О.А. Указ. соч. С. 180; ПСЗ-И.Т. XVI. № 11616. Именной указ 18 июля 1762 г.

³² См. подробнее: Ефремова Н.Н. Реорганизация российской юстиции в эпоху Просвещения // Журнал рос. права. 2008. № 3. С. 135–148.